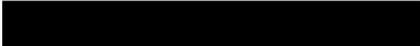

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1909 ГОДА

«Римская история» Моммзена — книга вечного значения. За пятьдесят лет, протекших с выхода ее в свет, много новых материалов сделалось достоянием науки, немало разъяснилось подробностей, которые были неясны или неизвестны Моммзену, но никакие новые открытия и исследования не лишат эту книгу ее главного значения: всегда и для всех будет поучительно и полезно познакомиться с тем, как смотрел человек такого могучего ума, как Моммзен, на жизнь народа, на задачи государства, на способы устраивать человеческое благополучие, на причины общественных бедствий, на тот огромный и непрерывный труд вообще, какого требует от людей государство и общество.

Из серьезной книги всякий читатель извлекает то, что наиболее подходит к кругу его понятий, что, отвечая иногда неясным для него самым запросам жизни, волнует его до глубины души. Сочинение Моммзена затрагивает ум и сердце читателя так, как немногие произведения всемирной литературы. К сожалению, сравнительно мало обращаются к этой замечательной книге, но это до известной степени понятно — преодолеть нелегкие по глубине и важности содержания первые главы и прочесть две тысячи страниц — задача, за которую многие не находят возможным и приниматься.

Предлагаемая книга передает в сжатом виде то, что у Моммзена изложено с несравненно большими подробностями в первых трех томах его сочинения: четвертый том не был издан, а пятый, содержащий очерк состояния провинций при империи, с первыми тремя не связан непосредственно; составлена эта книга по моей просьбе лицом, вполне сведущим

в исторических вопросах; все старания были приложены к тому, чтобы сохранить и связность рассказа, и равномерность изложения, и — главное — общий дух сочинения великого историка.

Решаюсь высказать уверенность, что эта книга принесет свою долю пользы. Если хоть немногих она несколько успокоит и утешит в тяжелое время, как то, которое еще так недавно пришлось пережить нашей родине, если хоть очень немногим даст она бодрость искренно, смело и с верой работать, несмотря на кажущуюся безвыходность и безотрадность положения, то цель этого труда достигнута.

11 ноября 1908 г. Кн. А. Горчаков

КНИГА ПЕРВАЯ

ДО УПРАЗДНЕНИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Глава I

ВВЕДЕНИЕ

На извилистых берегах Средиземного моря, которое и разделяет, и соединяет три части Старого Света, издревле жили народы разного происхождения, в историческом смысле представлявшие одно целое, так как они были в постоянных и близких отношениях между собою. История культуры этих народов и составляет то, что называется древнею историей. В самой глубокой древности началась цивилизация у коптского или египетского племени в Африке, затем у арамейской или сирийской нации в западной части Азии и, наконец, у эллинов и латинов в Европе. Народы каждого из этих четырех племен достигли путем самобытного развития высокой степени цивилизации, затем вступили между собою в самые близкие, оживленные сношения и всесторонне и блестяще разработали все стороны человеческого развития прежде, чем новые племена, германские и славянские, влились огромною волною в государства Древнего мира, разрушили прежнюю общность жизни его народов, разделили исторические судьбы северного и южного берегов Средиземного моря и самый центр исторической жизни перенесли на берега Атлантического океана. Этим изменением в составе народов, действующих в Европе, и перемещением исторической жизни в новые страны началась новая история, т. е. создание новой культуры. Глубокими и многообразными связями соединяется она с тою, на смену которой явилась: человечество неизбежно многое черпает из цивилизации Древнего мира, как и он, в свою очередь, черпал многое из древнейших, ему предшествовавших, цивилизаций. В свою очередь, и народы нового мира переживут эпоху развития, эпоху полной силы и время одряхления, переживут

счастливые периоды творчества в области религии, государственной деятельности и искусства, эпоху спокойного пользования накопленными умственными благами, а затем и период падения. Падение это будет преходящим: самая грандиозная цивилизация рано или поздно должна себя изжить и прекратиться, но не прекратится духовная деятельность самого человечества, ибо едва человеческий дух как бы достигает разрешения высших задач — он снова ставит себе подобные же задачи, но еще шире и выше.

В предлагаемой книге рассказана будет история последнего деятеля древней истории — латинского племени: старейшие поселения италийского племени на полуострове, опасности, угрожавшие его политическому и национальному существованию, отпор, оказанный италийцами чужеземцам, борьба латинов с другими родственными племенами, их торжество и объединение ими Италии, затем быстрое расширение латинского государства и распространение его власти на весь цивилизованный мир древности и, наконец, эпоха Юлия Цезаря, когда намечены были все пути, по которым с тех пор и идет человечество.

Глава II

ОБРАЗОВАНИЕ ПЛЕМЕНИ ИТАЛИЙЦЕВ, ИХ РОДСТВО С ЭЛЛИНАМИ

*Италийцы и эллины до разделения. —
Духовный склад эллинов и италийцев*

Италия, так же как Греция, — благодатная страна с мягким, умеренным климатом, которая требует от человека постоянного труда для удобного существования, но щедро вознаграждает за труд. Береговая линия Италии развита значительно менее, чем в Греции, и рядом с материком нет усеянного островами моря, поэтому мореплавание не развилось здесь так, как в Греции. Зато Италия удобнее для земледелия и скотоводства и обширнее.

Долгое время историческая жизнь италийских племен совершалась не на всем протяжении полуострова, не до Альп и реки По, а в средней и южной его части, в том пространстве, которое ограничено с севера Апенниннами. Настоящую сердцевину Италийской земли была средняя часть этого пространства, там, где лежат Этрурия, Кампания и Лациум. Эти области смотрят на запад, в то время как в Греции к востоку обращены Аттика и Македония — те области, которые явились главными деятелями в истории Греции. Так самую природою указано коренное различие исторической роли Греции и Италии: первая бросила семена своей цивилизации и наложила свою тень на восток, вторая — на запад.

О первом переселении людей в Италию, конечно, не сохранилось никаких сведений. В древности было всеобщим убеждением, что там, как и всюду, первые жители на месте и произошли. Устанавливать происхождение челове-

ских рас и племен дело не историка, а антрополога. Дело же историка — проследить постепенное наслоение народностей в стране и смену одной культуры другою.

В большей части Европы арийскому населению предшествовало, как доказывают археологические изыскания, какое-то вполне исчезнувшее племя, стоявшее на весьма низком уровне развития, в Италии следов существования такого народа не найдено. В те времена, о которых можно судить уже с достаточными основаниями, на Апеннинском полуострове находились племена япигское, этрусское и италийское, последнее делилось на две ветви: к одной принадлежали латины, к другой — умбры, марсы, вольски, самниты.

Япиги — племя, родственное эллинам. Они были, по-видимому, древнейшими поселенцами на полуострове. Жили они на крайней южной его оконечности, оттесненные туда позже пришедшими. В течение исторического периода существования италийских народностей япиги являются племенем слабым, вымирающим, и с течением времени они совершенно растворились в других племенах.

Италийцы ближе, чем какой-либо другой народ, родственны эллинам. Лингвистические исследования, которые вообще дают самые надежные выводы о древнейшем, доисторическом периоде жизни народов, свидетельствуют неоспоримо, что когда-то, в глубочайшей древности, от общей массы арийцев отделилось какое-то племя, которое долгое время жило совместно, нераздельно, а затем распалось на две группы — одна из них дала впоследствии эллинов с их различными подразделениями, а другая — италийцев, которые также разделились на латинов и умбров, а затем и на другие, более мелкие этнографические величины, как эллины на ионян, дорян и пр.

Если выделить корни, общие всем арийским языкам, то определятся приблизительно те слова, которыми располагали индоевропейцы уже в ту отдаленнейшую эпоху, когда они составляли еще один народ, когда в их среде еще не обособилось определенно ни одно племя. Эти слова укажут нам и те понятия, которыми люди тогда располагали, ту степень культуры, которой они достигли. Такое изучение показывает, что индоевропейцы еще до своего разделения

прошли уже стадии быта звероловного и рыболовного, что они были народом пастушеским, приручили уже быка, овцу, собаку, свинью, некоторых домашних птиц и даже начинали обрабатывать землю, они уже знали соль, виноградный сок, имели жилища, употребляли одежду, умели даже устраивать примитивные повозки и весельные лодки. У них сознавались уже ближайшие степени родственных отношений, они умели считать до ста, отличали светила небесные и имели не только первоначальные представления о божестве, как о какой-то высшей силе, но и некоторые общие мнения о загробной жизни. Данные же языка доказывают, что то племя, которое впоследствии распалось на эллинов и италийцев, долго жило общую жизнь после выделения из общей массы арийцев. Данные языка и некоторые древнейшие обычаи доказывают, что еще до разделения этого племени на две главные его ветви выработались уже важнейшие приемы земледелия, способы измерения земель, устройство дома, подробности вооружения, что племя это еще за время нераздельного существования стало почитать божество домашнего очага, единственное божество, общее грекам и италийцам и вместе с тем не существующее в древнейшей мифологии всех индоевропейцев. Наконец, способ добывания огня трением одного куска дерева о другой и самые названия того и другого куска у эллинов и италийцев были одинаковы, и, значит, способ был найден еще в эпоху их нераздельного существования.

В отношении внешнего быта вообще эллины и италийцы выступают на историческое поприще в условиях довольно близких. Не то было в области духовной жизни. Великая задача, предлежащая человеку — жить в сознательной гармонии с самим собой, с себе подобными и с целым, — допускает столько решений, сколько «обитателей в доме Отца», и в области духовной жизни всего резче различаются и отдельные люди, и отдельные народы. В этом отношении эллины и италийцы так различны между собою, так своеобразны у тех и у других семья и государство, религия и искусство, что почти невозможно ясно представить тот умственный строй, то мирозерцание, в котором такие противоположности могли объединяться.

Эллины всегда приносили общее в жертву частному, нацией жертвовали для общин, а общинами — для отдельных лиц. Их идеалом была созерцательная жизнь, без труда, часто переходившая в праздность. Политическое развитие у них выразилось в усилении первоначального партикуляризма отдельных племен, а затем в разрушении общественных связей и в отдельных общинах. В религиозном отношении эллины сначала низвергли богов до человека, а затем и вовсе их отвергли. Они любили зрелище борьбы обнаженных юношей и предоставляли полный простор человеческой мысли во всем его страшном великолепии, а римляне воспитывали детей в почтении к отцу, граждан — в почтении к государству и всех — в почтении к богам. Они ничего не спрашивали и ничего не уважали, кроме полезной деятельности, и требовали, чтобы каждый миг своей короткой жизни человек отдавал труду, у них даже дети должны были скромно завертываться в свое платье, у них считался худым гражданином тот, кто хотел жить не так, как другие, и из отвлеченных идеалов только стремление к величию родины не считалось пустым. При таком коренном, глубоком различии мирозозерцания эллинов и латинов у племени, когда-то объединявшего их, мы можем определить лишь самые общие черты семейного и общественного быта и религии и чаще должны будем указывать отличия, чем пункты сходства.

Супружеский союз, эта основа всякого общежития, у эллинов и италийцев был одинаково отмечен нравственным и благопристойным характером, одинаково требовалось единоженство и единомужие. Но у италийцев власть мужа, и особенно отца, получила несравненно более сильное развитие, чем у эллинов. Род, т. е. союз потомков одного и того же родоначальника, у эллинов получил сильное значение по отношению к государству и имел очень мало власти и влияния на каждого отдельного члена. У италийцев, особенно у римлян, наоборот: пред сильно развившеюся идеею государства роды совершенно не сохранили своего значения, но в полной степени сохранили его по отношению к отдельным лицам. Это выразилось, между прочим, и в том, что у римлян родовое имя осталось главным, наиболее употребительным, и рядом с ним личные имена имели мало значения, были очень мало-

численны и просты, иногда и вовсе не употреблялись в общезжитии. У эллинов же, наоборот, личные имена пышны, громки, разнообразны, а родовые рано вышли из употребления. В отношении к рабам римляне сурово проводили принцип их бесправия, а греки рано внесли в рабство смягчения. Формы суда и наказания были, по-видимому, одинаковы в общий греко-италийский период, равно как и основы государственного устройства. И тут и там видим царя, сенат и народное собрание, имевшее власть только принимать или не принимать внесенные царем предложения, — древнейшее устройство критских общин, описанное Аристотелем, до мелочей сходно с устройством Рима времен царей. Общими были эллинам и латинам и разнообразные соединения отдельных племен в союзы, у германцев и кельтов вовсе не встречавшиеся.

В области религии общие в своей основе верования у эллинов и у латинов развились совершенно самостоятельно. У эллинов — царство живых образов, олицетворенные боги, у римлян — одна отвлеченность, одна идея, зато эта идея признавалась почти во всем, почти повсюду. Не только одни крупные явления или великие силы природы обожествлялись для римлян: римлянин чтит все, что духовно, и всякому бытию, и человеку, и лесу, и реке, и государству, даже таким действиям, как пахание, ограждение границ, заложение города и т. п., он придавал как бы душу и чтит ее. И такого рода религиозность надолго овладевала умами, как свидетельствует вся история Рима, с силою еще большею, чем почтение к человекоподобным богам у греков.

В развитии искусства особенно далеко разошлись эти два родственные племени. У латинов искусство долго оставалось на такой низкой ступени, как у народов, не имеющих никакой культуры, — у эллинов же поэзия и ваение быстро достигли такой высоты, какой никогда уже более не достигали: эллины научились рано ценить вдохновляющее могущество красоты и пользовались им, в Лациуме же не сознавали и не признавали другого могущества, кроме могущества силы.

Таким образом, две родственные нации развились в двух совершенно противоположных направлениях, и обе развились вполне, потому что развились односторонне. Идеальный мир прекрасного был для эллина дороже и выше всего, в наслаж-

дении им он забывал и личные печали, и недостатки своего государственного и общественного быта. Преимущества эллинов более яркие и более бросаются в глаза. Но дарования италийцев глубже, драгоценные их свойства — понимание того всеобщего, что рассеяно в частных явлениях, их покорность и способность к самопожертвованию, серьезная вера в своих богов. Отдельные личности могли страдать в таком народе, могли быть заглушаемы в людях их лучшие природные задатки, но отечество этих людей и их чувства к этому отечеству были таковы, каких не знал грек, и при государственном устройстве, основанном на самоуправлении, латины так развили свою национальность и вместе с этим достигли такого могущества, что им подчинились и эллинская нация, и весь мир.

Глава III

ПОСЕЛЕНИЯ ЛАТИНОВ. ЗАЧАТКИ РИМА

*Расселение латинов родами и общинами. —
Союз этих общин. — Географическое
преимущество Рима*

Италийцы пришли на полуостров сухим путем, с севера: по-видимому, первоначально продвинулись латины и заняли равнину по берегу моря. За ними уже двигались умбры и сабелы и должны были удовольствоваться более суровою, гористою местностью. Область, занятая латинами, ограничивалась с запада морем, с юга и востока — горными цепями, а на севере переходила в обширную равнину. Почти вплоть до Тибра с севера продвигались разные умбро-сабельские племена. Местность эта не отличается здоровым климатом: летом здесь свирепствуют лихорадки. Но для земледелия почва благодатна, и первоначальные поселенцы мирились с климатическими неудобствами — отчасти, быть может, потому, что были менее чувствительны к ним, отчасти потому, что боролись с ними не без успеха: римские поселяне долгие века сохраняли древний обычай следить, чтобы в жилище никогда не угасал огонь, а пылающий огонь, как доказано опытом, отлично предохраняет от заболеваний лихорадкою.

Древнейшие названия земельных участков в Лациуме почти сплошь являются родовыми прозвищами, из чего можно с уверенностью заключать, что латины селились здесь родами, но о внутренних отношениях в родах мы ничего не знаем. Отдельные общины были объединены между собою в своего рода союз, он связан был единством происхождения, языка и нравов и действовал сообща в случае войны наступательной или оборонительной. Отдельные роды имели небольшие укре-

Капитолийская волчица. Ромул и Рем

пленные пункты. Волости, или соединения родов, имели такие же центральные укрепленные пункты, но более значительные, и еще во время империи так жили поселяне в наиболее глухих местах полуострова, а заброшенные остатки когда-то укрепленных пунктов встречались повсеместно.

Древнейшие волости возникли, по-видимому, между Албанским озером и Албанской горой: здесь была отличная земля, отличная вода. Здесь лежала и Альба, почитавшаяся с древнейших времен матерью Рима и других древнелатинских общин. Здесь лежали древнейшие латинские города Ланувий, Ариция, Тускулум. Здесь находились остатки древнейших сооружений. Тибур, Пренеста, Габин, Рим, Лаврент, Лавиний тоже принадлежали к числу древнейших общин, общее число их было, по-видимому, тридцать: этим числом чаще всего и в Италии, и в Греции определялось число составных частей общественных организаций. На Албанской горе ежегодно справлялся «латинский праздник», сохранявшийся долго и в исторические времена. Этот праздник, как у греков Панионии и Панбеотии, служил выражением единства

латинского союза, существование которого несомненно, хотя подробности его устройства почти неизвестны.

Приблизительно в расстоянии 25 верст от моря по течению Тибра начинаются холмы, более высокие на правом, чем на левом берегу. Здесь издревле обитали общины рамнов, луцеров и тициев. Имя *Rampnes* есть древнейшая форма имени *Romani*: слова эти родственны так же, как *past* и *portio*, *Mars* и *mors*. Изменение «а» на «о», рано прекратившееся в латинском языке, свидетельствует о глубокой древности названия. Рамны и луцеры были, несомненно, латинского происхождения. Тиции же, по-видимому, — сабинского: с их именем предание всегда связывало сохранение в римском культе сабельских элементов. Возможно, что совместное жительство этих трех общин началось еще в то время, когда латины и сабелы не резко различались между собою. Из поселений этих общин возник Рим.

Конечно, нельзя говорить об основании Рима в том смысле, какой придает ему общеизвестная легенда. Рим построен не в один день. Поселки, существовавшие на месте его возникновения, развились в крупный центр, без сомнения, в силу важных причин — и их можно раскрыть, внимательно обсудив положение Рима. Вся область, где он лежит, с юга, востока и севера, на недалеком от города расстоянии, ограничена землями других общин, но к западу, к морю, пространство было совершенно свободно — и вот Рим получил первое значение потому, что представлял исключительные выгоды в качестве складочного места для торговли и в качестве пограничной крепости Лациума.

Древнейшая торговля Рима засвидетельствована несомненными данными. Со своей крепкой позиции он господствовал над обоими берегами реки до ее устья, его положение одинаково удобно и для тех, кто спускался на лодках сверху по течению Тибра, и для мореплавателей: небольшие суда, в каких совершались в то время и морские переезды, могли подниматься по реке до Рима. Вместе с тем некоторое удаление от моря доставляло большую безопасность от морских разбойников. В Риме, наконец, издревле был мост через реку, опорой для которого служил лежащий посреди Тибра остров, мост же в те времена представлялся сооружением чрезвы-

чайно важным. Была еще причина, которая способствовала росту города Рима: нездоровый воздух лежащей около него низменности побуждал население жить преимущественно на высоких холмах, сгруппированных на месте Рима. Благодаря всему этому Рим стал значительно населенным городом уже в то время, когда большинство латинов жило еще по селам. Городская организация Рима и обусловленный этим дух его учреждений и дали ему возможность быстро и значительно выдвинуться среди латинской сельской организации. Первоначально укрепленный пункт, который доставлял ближайшим жителям убежище в случае нужды, находился на Палатинском холме. Другое укрепление находилось на Квиринальском холме. До позднейшего времени жители ближайших к Палатину поселков именовались «жителями горы», а жители ближайших к Квириналу — «жителями холма», хотя Квиринал не только не ниже, а даже несколько выше Палатина. С течением времени поселение разрасталось, а с тем вместе приходилось увеличивать и стену. К эпохе Сервия Туллия явились и потребность, и средства соорудить величественную стену, окружившую тот Рим, который знает история, но к этому времени положение Рима среди окрестных поселений изменилось уже коренным образом.

Глава IV

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РИМА И ДРЕВНЕЙШИЕ РЕФОРМЫ В НЕМ. ГЕГЕМОНИЯ РИМА В ЛАЦИУМЕ

Римская семья, власть отца. — Римское государство, власть царя. — Равноправие граждан. — Неграждане. — Народное собрание. — Сенат. — Военная реформа Сервия Туллия. — Разрушение Альбы. — Союз Рима с другими латинами. — Развитие города Рима

Государственное устройство у римлян развилось на тех самых основах, как семейный их быт. Иметь собственный дом и детей признавалось у римлян за цель и главную суть жизни гражданина. Смерть не почиталась несчастьем, потому что она неизбежна, но вымирание семьи, тем более целого рода, считалось бедствием, и рано выработаны были способы усыновления чужих детей, чтобы существование рода поддержать.

Семейные отношения у римлян были строгим проведением начал, намеченных самою природою. Семья, по римским понятиям, должна была составлять нечто вполне единое, а потому и управляться она должна была одним полноправным — за смертью своего отца — представителем — мужем, отцом. Его жена, их сыновья и внуки со своими женами, их незамужние

дочери — все это одинаково входило в состав неразрывной семьи и пред ее главою было так же бесправно, как вол или раб. Все безусловно подчинялось главе семейства: он судил членов своей семьи и определял им наказание вплоть до смертной казни. Не закон, а только религиозные обычаи и нравы полагали тут границы воле отца, только они, а не закон запрещали отцу кидать своих новорожденных детей. Освобождение взрослого сына от отцовской власти во всей ее полноте было выработано позднее и обставлено большими затруднениями, чем отпущение на волю раба. Сыновья были гражданами и имели свои права, только при жизни отца некоторые их права не применялись, но со смертью отца все его сыновья сразу делались полноправными гражданами и становились главами своих семейств.

Женщина всегда была в положении подчиненном у мужчины, потому что она принадлежала только семье и не существовала для общины. Зато в семье женщина занимала почетное положение, не несла тяжелых работ, лежавших на рабах, а только надзирала и занималась пряжею — почетным и почти обязательным для нее делом.

Семьи братьев не теряли связи окончательно. В некоторых случаях обычай требовал, чтобы глава семейства совещался со своими ближайшими взрослыми родственниками. Происходившие от одного родоначальника признавали себя членами одного рода и по имени своего родоначальника и именовались.

Около самостоятельных семей группировались люди полусвободные-полузависимые, так называемые клиенты. Это были чужеземцы, принятые под свое покровительство в общине кем-либо из граждан, и их потомки, а также отпущенные на свободу рабы и их потомки. Юридически клиенты почти не отличались от рабов, но по обычаю и фактически пользовались значительно большею независимостью.

Соединением родов составилось государство, из их земельных участков образовалась его территория. Каждый законный потомок одного из родоначальников был гражданином этого государства, они и именовались «отцовыми детьми». Пред общиною все ее члены были равноправны, хотя внутри семей взрослые сыновья и подчинялись вполне воле отца.

Клиенты же и другие домочадцы пользовались покровительством общины, но не имели всех прав, не несли зато и всех обязанностей.

Государственное устройство было повторением — в более широкой сфере — семейных отношений. По римским понятиям, государство так же нуждалось в полноправном главе, как и семья, а так как между свободными и равноправными гражданами не было прирожденного главы, то из среды полноправных и способных носить оружие граждан избирался пожизненно царь, правитель, который и имел все признаки власти отца в семье. Воля его законно ничем не была ограничена. Он безапелляционно судил и налагал наказания. Приговорив кого-либо даже к смерти, он мог, но не был обязан допустить обращение к народу с просьбою о помиловании. Он принимал за всю общину обязательства — заключал мир и объявлял войну, он назначал отрядных начальников во время войны и градоправителя на время своего отсутствия, и эти лица были просто его уполномоченными, а не должностными лицами в нашем смысле слова. Единственное легальное ограничение власти царя состояло в том, что он мог лишь применять законы, а не изменять их. Распоряжение его в последнем смысле было бы просто почтено за незаконное и не было бы исполнено, а если бы царь стал слишком часто рисковать такими распоряжениями, то потерял бы власть: ему повиновались не как высшему существу, а лишь потому, что для общины считалось наиболее удобным иметь полноправного главу. Царь имел право и, пожалуй, был даже обязан назначить себе преемника; если же он почему-либо этого не сделал, то коллегия отцов предлагала гражданству царя и, если община принимала его, он становился царем.

Граждане были между собою вполне равноправны, словных различий не было. Это было особенностью латинской нации и объясняется, вероятно, тем, что на месте своего поселения латины не нашли никакого другого населения и не подчинили себе никакой другой расы. Неграждане были в римской общине вполне бесправны.

Государственное устройство опиралось только на граждан: все граждане поголовно должны были в случае нужды выступить воинами, несли обязанности по сооружению стен

Погребальная урна VI в.

и общественных построек. Денежных податей граждане не платили. Неграждане уплачивали в распоряжение царя денежные сборы как бы за свою охрану. Другие доходы, которыми вообще распоряжался царь, составлялись из таможенных сборов и платы за пользование участками общественной земли. Расходы государства были очень невелики, потому что услуги общине не оплачивались.

Граждане участвовали в народных собраниях, которые созывались царем не реже двух раз в год. На этих собра-

ниях народ только давал согласие на предложения, делаемые царем, или отвергал их, но не мог ни обсуждать их, ни делать своих предложений. Согласие народа требовалось для наступательной войны и на всякое изменение закона. Пока не возникало мысли об изменении закона, народное собрание не вступало в дело управления: тогда управляли законы под наблюдением царя. С глубокой древности каждая из трех первоначальных римских общин делилась на 10 курий, имевших каждая особых попечителей и особых жрецов. По куриям собирались рекруты, происходили сходки и обсуждение дел; с древности считалось в Риме 300 родов и было 300 сенаторов, 300 всадников и 3000 пехотинцев.

Рядом с царем и народным собранием стоял сенат — собрание старейшин. По идее сенат был составлен из родоначальников тех 300 родов, которые положили основание Римского государства, поэтому сенаторы назывались «отцами» и число их было 300. Так как государство должно было быть организовано и управляемо по образцу семей, то в случае смерти царя без преемника власть переходила в руки сената. Из числа сенаторов выбирался по жребию временный царь. Если в течение пяти дней он не успевал подыскать человека,

которого можно было бы предложить в цари, то сам назначал нового временного царя, и этот поступал так же, пока не был избран царь. Сенат являлся вообще сотрудником царя, из его среды царь по преимуществу избирал своих помощников. Главное же значение сената состояло в том, что он был охранителем законности и от царя, и от самой общины: сенат мог отказать в утверждении всякому постановлению общины, если находил, что оно нарушает обязанности к богам или к другим государствам или органические законы самой общины. Отсюда для царей возникла почти необходимость узнать предварительно мнение сената о всякой мере, которую они желали предложить общине. Но не закон, а соображения удобства предписывали это царю, и они же подсказывали сенату, когда было бы неблагоприятно пользоваться этим правом. И всего более политическая мудрость сената создала такое положение, что при обширнейшей власти общины над каждым своим членом, при обширнейших полномочиях царя и его доверенных лиц римский гражданин, который не нарушал законов, чувствовал себя совершенно обеспеченным во всех своих правах.

В глубокой древности совершилось соединение «горных» и «холмовых» римлян, или, точнее, подчинение вторых первым. С этих пор войска стало собираться вдвое больше, но число сенаторов осталось прежним. Богослужебные учреждения «холмовых» римлян сохранились, и с этих пор в Риме число жрецов и жриц всегда бывало четным. Вновь присоединившиеся граждане были расписаны по существовавшим уже куриям — слияние двух общин было скорее количественным приращением, чем внутренним преобразованием.

Рядом с гражданами в Риме собралось мало-помалу и очень значительное число неграждан, к числу их принадлежали помимо вольноотпущенников и их потомков, уже огражденных законами от всяких покушений на их свободу, еще и бывшие граждане других, покоренных Римом, общин, а также и члены других общин, селившиеся в Риме для торговли. В таком оживленном торговом пункте, как Рим, число их быстро достигло значительных размеров. Из таких людей довольно рано создалась «толпа» — группа населения, значительная количественно, вовсе не стоявшая в приниженном

положении и экономически, но не имевшая законом обеспеченных прав. По-прежнему эти люди могли действовать пред судом только через посредство какого-нибудь гражданина. Граждане, в свою очередь, начинали чувствовать тягость того, что они одни исполняли военную службу и несли потери на войнах. Само число их только что не уменьшалось, но никак не увеличивалось в уровень с увеличением числа неграждан. Возникавшие из таких отношений неудобства были в значительной степени отвращены реформой, которая произведена была в глубокой древности и которую предание связывает с именем царя Сервия Туллия.

По вновь введенному порядку воинскою повинностью были обязаны жители Рима уже не по происхождению, а по владению землею. Все, кто имел землю, должны были нести военную службу. Имевшие участок земли, достаточный для работы на нем с одною плуговою упряжкою и больше, должны были доставлять по воину с участка; имевшие доли полных участков доставляли воинов по расчету количества земли, принадлежавшего им. По произведенному тогда подсчету выходило, что на каждых 80 пехотинцев, выставленных владельцами полных участков, владельцы трех четвертей участка, половины и четверти участка должны были выставить по 20 чел., всего, следовательно, 60 чел., а владельцы одной восьмой — 28 чел. Конную службу несли самые состоятельные, всадников собиралось приблизительно в 9 раз меньше, чем пехотинцев. Не имевшие собственности, пролетарии (буквально: имевшие только потомство), доставляли для армии работников. Собирались воины по призывным округам (трибам), которых было установлено четыре, причем на прежнее деление по куриям не было обращено никакого внимания, — по-видимому, для того, чтобы помимо всяких прежних родовых различий теснее слить войско воедино. Военною службою были обязаны все от 18 до 60 лет. Боевою единицею был легион, делившийся на 84 центурии и состоявший из 8400 чел. — в том числе 4000 тяжеловооруженных, 2000 легковооруженных и 2400 неграждан, сопровождавших войско в качестве носильщиков и вступавших в ряды в случае значительных потерь воинами. Всего было 2 легиона и 1800 всадников, следовательно, в общем, до 20 000, — по-видимому, таково было число способных